

Дискуссии

От редакции. Статья И. В. Савицкого и В. В. Ефимовой объединяет так называемый «случай Лазарева», но авторы дают разные версии конфликта, произошедшего в 1862 году в Олонецкой губернской администрации. Главное в статье И. В. Савицкого – интересные обобщающие выводы о специфике и пределах применения коммуникативного подхода в сугубо историческом исследовании. В. В. Ефимова в своей работе создает своеобразную «энциклопедию провинциальной службы» применительно к 1862 году. Читателю предоставляется возможность посмотреть на одно и то же событие с разных точек зрения и самому решить, чей подход для него ближе.

Научная статья

Отечественная история

DOI: 10.15393/uchz.art.2021.697

УДК 94(470.2)"18"

ВИКТОРИЯ ВИКТОРОВНА ЕФИМОВА

доктор исторических наук, доцент кафедры теории права и гражданско-правовых дисциплин Института экономики и права

Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

efimova1870@rambler.ru

О ПРИЧИНАХ И ПОСЛЕДСТВИЯХ КОНФЛИКТА ГУБЕРНАТОРА А. А. ФИЛОСΟΦОВА С ГУБЕРНСКИМИ ЧИНОВНИКАМИ

А н н о т а ц и я . В рамках историко-антропологического подхода анализируется влияние «оттепели» эпохи Александра II на менталитет чиновничества, проявляющийся в формах и методах, ходе и исходе управленческого конфликта, разразившегося в среде олонецкого губернского чиновничества. Такая задача впервые решается на примере Олонецкой губернии, считавшейся крайне непрестижным местом для службы. В результате выявлено, что главной причиной конфликта стало неприятие главами губернских ведомственных учреждений устаревшего стиля управления, к которому прибегнул губернатор. Он не смог оценить изменившееся буквально за первое пятилетие царствования Александра II сознание местного чиновничества под влиянием допущенной гласности, ярче всего проявившейся в публикациях в периодической печати литературных произведений и статей, содержащих критику недостатков и злоупотреблений в работе государственных учреждений и должностных лиц. Немалую роль в этом процессе сыграла и специфика формирования губернских кадров в Олонецкой губернии, куда с целью ускорения карьеры приезжали служить чиновники из столиц и центральных губерний империи. Помимо традиционных методов борьбы – обличающих друг друга рапортов и докладных записок вышестоящему начальству, обе стороны использовали центральную прессу. Противостояние губернатора с главами разных ведомств зашло так далеко, что для выяснения его причин и степени виновности его участников из Петербурга были присланы особые чиновники, а их мнения доведены до императора. В результате губернатор был признан неспособным занимать эту должность, но для того, чтобы не допустить компрометации губернаторского звания, ему было дозволено просить императора об увольнении, а главные деятели «антигубернаторской» партии под благовидными предложениями были удалены из губернии.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Олонецкая губерния, конфликт, гласность, губернатор А. А. Философов, губернское чиновничество

Д л я ц и т и р о в а н и я : Ефимова В. В. О причинах и последствиях конфликта губернатора А. А. Философова с губернскими чиновниками // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 8. С. 87–97. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.697

ВВЕДЕНИЕ

Образование и противостояние «партий» – нередкое явление в практике функционирования губернских аппаратов в имперский период. Но именно такие случаи вызывают повышенный интерес исследователей, так как в ходе их изучения гораздо легче выявить бытовавшие неформальные технологии управления и взаимодей-

ствия чиновников разных ведомств, а также значение общественного мнения при их разрешении. Эффективнее всего такие задачи, по нашему мнению, реализуются в рамках историко-антропологического и коммуникативного подходов [1], [4], [6], [8]. Однако описанный в нашей статье случай представляет особый интерес, так как произошел не только в уникальное для нашей дореволюци-

онной истории время, но и в особенной губернии. Как известно, период конца 50-х – начала 60-х годов XIX века характеризовался крайним общественным напряжением, связанным с ожиданием реформ. Правительство было вынуждено допустить определенную свободу слова и печати при обсуждении вопросов внутренней политики и даже предавать гласности на страницах периодических изданий факты злоупотреблений и беспорядков в деятельности государственных учреждений и должностных лиц [5: 68–70]. В свою очередь, Олонецкая губерния как губерния, отнесенная к отдаленным и малонаселенным краям империи, предоставляла приезжавшим сюда чиновникам особые преимущества при прохождении службы. Это породило, с одной стороны, такое негативное явление, как «поездки за чином», когда чиновники из внутренних губерний в целях ускорения карьерного роста отправлялись сюда на службу и по выслуге нужного им чина возвращались обратно. С другой стороны, благодаря этим поездкам чиновничий корпус губернии постоянно обновлялся и был в курсе всех происходивших в столицах и центральных губерниях перемен. Таким образом, цель данной статьи состоит в том, чтобы на примере Олонецкой губернии выявить не только причины и последствия произошедшего в 1862 году конфликта между губернатором Философовым и главами ключевых ведомственных учреждений, но и новые методы борьбы, к которым прибегли противоборствующие стороны. Это, в свою очередь, поможет еще точнее определить, каким образом и насколько быстро происходили перемены в сознании провинциального чиновничества, позволившие отвергнуть отжившие николаевские методы управления даже в такой считавшейся непрестижной для службы губернии, как Олонецкая.

Статья написана на широком круге источников, хранящихся в Национальном архиве Республики Карелия (НА РК), Российском государственном историческом архиве (РГИА) и Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Прежде всего это переписка губернатора с министром внутренних дел по поводу конфликта, материалы дознаний, проведенных чиновниками, присланными из центра для разбора причин конфликта, итоговые кадровые решения центрального правительства, формулярные списки главных участников конфликта. Большая часть этих документов впервые вводится в научный оборот.

17 октября 1860 года вместо олонекского губернатора Н. П. Волкова¹ был назначен также быв-

ший военный генерал-майор Александр Александрович Философов. Полный сил и достаточно еще молодой², он сразу же попал в водоворот отмены крепостного права. Но должность губернатора требовала исполнять и прочие обязанности, поэтому в феврале и августе 1861 года Философов провел обозрение вверенной ему губернии и представил министру внутренних дел вместе с его результатами особую записку «о состоянии губернии вообще»³. В этой записке, чрезмерно оптимистичной, губернатор демонстрировал достигнутые под его начальством успехи по введению нового устройства для крестьян и распространению женского образования, а также предлагал меры по дальнейшему усовершенствованию путей сообщения и развитию лесной промышленности. При этом губернатор активно формировал свое окружение, например: в 1861 году к членам Олонецкого губернского правления В. С. Башинского⁴ и С. Ф. Карачевскому⁵ по предложению губернатора вместо советника А. Ф. Колесинского⁶ присоединяется доктор А. К. Зенец⁷; его канцелярию возглавляет новый правитель – Н. И. Базаров⁸; старшим чиновником особых поручений при губернаторской канцелярии назначается Ю. И. Кушелевский⁹. Исполняющим должность петрозаводского полицмейстера становится Ф. Е. Козловский¹⁰. Мы не случайно упомянули данных лиц, так как все они очень скоро станут фигурантами конфликта.

Первое известие о несогласии среди олонекского чиновничества поступило в III Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии в рапорте от 27 марта начальника Олонецкого жандармского управления полковника А. А. Мышецкого. Он писал, что 24 марта вернувшийся из отпуска начальник Олонецкой губернии и военный губернатор г. Петрозаводска генерал-майор Философов делал прием для чиновников губернии, но среди таковых не оказалось горнозаводских офицеров во главе с полковником Н. А. Фелькнером¹¹. Губернатор вынужден был еще раз проинформировать канцелярию Горного начальника о своем прибытии и назначил для приема следующий день. Однако последняя 26 марта уведомила губернатора, что «Горный Начальник сравнен в правах с губернаторами и потому не считает своей обязанностью являться кроме известных случаев». Такое грубое нарушение чинопочтения, заканчивал Мышецкий, «не может быть оставлено в молчании», так как от этого могут произойти «вредные последствия для службы», и поэтому губернатор донес 27 марта о дерзком поступке Фелькнера военному министру¹².

В конце апреля 1862 года и. д. вице-губернатора Д. А. Злотницкий¹³ отпрашивается у губер-

натора в отпуск в Петербург. Философов предваряет его приезд в Петербург письмом от 22 апреля министру внутренних дел, в котором сообщает о причине его отъезда – просить о переводе в другую губернию¹⁴. Губернатор также писал, что тот сблизился с постоянно противоборствующей ему партией председателя Олонецкой казенной палаты фон Штемпелем, так как бесхарактерен, но он готов продолжать с ним службу. Однако, если министр найдет просьбу Злотницкого все-таки уважительной, то он просит назначить на его место «кого-нибудь русско-го... по множеству находящихся здесь поляков и полек»¹⁵.

Злотницкий приехал в Петербург не с пыстыми руками. Он представил министру внутренних дел П. А. Валуеву докладную записку, в которой описал не менее 27 эпизодов, которые, по его мнению, компрометировали Философова¹⁶. Практически во всех так или иначе фигурировал Кушелевский, подозреваемый к тому же в вымогательстве взяток у откупщиков, купцов и даже чиновников. Ниже приведем в пример только один из этих эпизодов, связанный с личными интересами губернатора, а именно: о заготовке 3 тыс. кулей муки в Петрозаводский хлебный магазин. Торги не состоялись из-за назначенной губернатором низкой цены. В результате операция по закупке муки хозяйственным способом в Рыбинске была поручена Кушелевскому и обошлась намного дороже. Ходили слухи, что помимо хлебных закупок Кушелевский занимался делами по имени свояченицы Философова в Пензенской губернии, и губернатор специально понизил на торгах стоимость куля муки, чтобы никто не явился на них и появилась возможность отправить в командировку Кушелевского¹⁷.

5 мая в Петрозаводск для дознания по записке Злотницкого приезжает чиновник особых поручений при министре внутренних дел действительный статский советник Кузьмич¹⁸. 8 мая он доносит министру, что 6 мая выполнил его волю о немедленном увольнении Кушелевского¹⁹, а по результатам проведенного им дознания убедился в необходимости ознакомить губернатора и со второй запиской министра, где тот объявлял губернатору, что довел до государя «о невозможности оставить управление губернией в нынешнем состоянии». Кузьмич также убеждал министра, что

«три высоких чиновника, на которых Вы указали, люди высокой чести по общим отзывам, называют Философова “нарушителем спокойствия губернии” и с негодованием говорят о вкоренившемся здесь, почти открыто лихоимстве, о покровительстве людям неблагонадежным и преследовании всего честного и благородного»

и что если обстоятельства не изменятся, то они будут просить перевода из Петрозаводска²⁰. Безусловно, здесь имелись в виду вице-губернатор Д. А. Злотницкий, председатель Казенной палаты Л. А. фон Штемпель и управляющий Палатой государственных имуществ А. Е. Лазарев. Обратим внимание, что все они также были новыми людьми в губернии, так как были назначены на свои должности в конце 1859 – начале 1861 года²¹.

8 мая Философов также подает рапорт шефу жандармов и начальнику III Отделения С.Е.И.В. канцелярии В. А. Долгорукову, который ярко отражает его эмоциональное состояние. Донесение начиналось с тонко продуманной фразы, которая явно была направлена на закрепление у центрального правительства нелестного мнения об олонецком чиновничестве:

«Олонецкая губерния постоянно славилась доносами, которые не пощадили ни одного губернатора, та же участь постигла и меня, потому что я старался преследовать взяточников и тем раздражал их или потому, что не хотел быть с ними в близких отношениях»²².

Затем губернатор излагал свою версию событий, связанных с проводимым Кузьмичом в Петрозаводске дознанием. Он писал, что, явившись в Петрозаводск, Кузьмич объявил ему словесное приказание министра внутренних дел, подкрепленное собственноручной запиской министра, о немедленном увольнении одного из состоявших при губернаторе чиновника (имелся в виду Кушелевский), но только через три дня предъявил ему вторую записку от министра, в которой тот сообщал губернатору, что он «по известным обстоятельствам представил на усмотрение Его Императорского Величества, что управление губернией в таком положении оставаться не может». Философов признавал, что у него в делах могут быть ошибки и промахи и что чиновники могут употреблять во зло его доверенность, но не соглашался с тем, что Кузьмич уже прямо обвиняет его в злоупотреблениях. Далее губернатор сообщал, что прилагает к рапорту особую записку с кратким объяснением сути дела и просит Долгорукова спасти его честь и испросить у государя позволения оправдаться, так как он уверен, что против него составлен

«сильный заговор... врагов и общественной и государственной пользы... и паче ни один губернатор не устоит в губернии подобной Олонецкой, где нестерпим для чиновников человек, который следит за их действиями»²³.

В особой записке Философов указывал, что оппозицию его действиям возглавил председатель Олонецкой казенной палаты фон Штемпель, к которому стали приставать и другие, «через что образовалась сильная партия». Большинство ее участников – поляки и их жены,

к ним присоединились либералы – учителя гимназии студенты Ген и Михаэлис²⁴, откупщик и другие²⁵. Однако губернатор не ограничился только этим донесением и поспешил в рапортах от 10 и 12 мая к П. А. Валуеву и В. А. Долгорукову представить еще более подробную версию действий Кузьмича. Она интересна тем, что в ней не только во всех подробностях описывается, что делал пять дней в Петрозаводске Кузьмич, но и видна тактика губернатора по компрометации Кузьмича. Например, он писал, что на следующий день после приезда Кузьмича во время обеда у губернатора, где за столом в присутствии жандармского офицера Мышецкого, советника Зенца и инженера-поручика Горнич-Гарницкого²⁶ зашла речь о Петербургском университете и студентах, Кузьмич позволил себе «очень громко и горячо» сказать, «что весь Петербург оправдывает студентов». Но после высказанного «моею женою возражения... г. Кузьмич переменил тон» и стал порицать их действия. Всю вторую половину 7 мая и следующего дня Кузьмич требовал из Губернского правления дела, приглашал к себе чиновников, откупщика и других лиц, «находящихся в сношении с партией, восставшей» против губернатора. Затем Кузьмич просил губернатора назначить ему встречу на следующий день, но губернатор сам поехал к нему, и только тогда Кузьмич предъявил ему вторую записку министра, на что губернатор заявил, что поставит перед министром вопрос о превышении Кузьмичом власти. 9 мая во время последней встречи с губернатором «Кузьмич дал понять ему, что он уже осужден министром и что лучше будет, если он подаст прошение об увольнении». Однако губернатор заявил, «что не понимает, в чем его обвиняют и что он предпочитает увольнение без прошения и суд, т. к. в чести своей уверен». Прощаясь, Кузьмич попросил никого из чиновников не перемещать и ничего в управлении не предпринимать. Губернатор заключал, что такие действия Кузьмича «ведут к деморализации чиновников и ослаблению власти губернатора», обвинял его во вступлении в заговор с оппозиционерами и нанесении ему «глубокой моральной раны»²⁷. Еще не дождавшись реакции из Петербурга, 21 мая в 8:40 Философов подал министру внутренних дел телеграмму с просьбой разрешить прибыть в Петербург. Однако в ответной телеграмме министр велел дожидаться от него сообщения и только потом приезжать²⁸. 23 мая, к радости губернатора, министр написал, что считает действия Кузьмича «неправильными и неуместными», так как «тот допустил огласку данного ему поручения и, по-видимому, не исполнил в точности данное ему поручение и что он обо всем

довел до императора», но при этом просил Философова дать ему разъяснения по нескольким эпизодам²⁹. 24 мая губернатору было разрешено приехать в Петербург³⁰. «Объяснения», представленные губернатором, датированы 31 мая. Чиновники, составлявшие их для губернатора, сделали, безусловно, все, чтобы оправдать как его, так и свои действия³¹.

1 июня губернатор уезжает в столицу³². К пригорю Философова, во время его пребывания в Петербурге в газете «Сын Отечества»³³ за 4 июня было опубликовано письмо в редакцию из Петрозаводска, подписанное инициалами А. К. Л.³⁴ Его автор пытался доказать, что и в стоящем «в захолустье» Петрозаводске происходят сдвиги в сторону «прогресса и гласности». В пример приводились организация ссудной кассы, открытие женской гимназии, проведение лотереи в пользу детского приюта и гимназии, а также благотворительного концерта в пользу одного, как оказалось, недостойного чиновника. Автор также подмечал важные изменения, происходившие во взаимоотношениях между служащими, и причины этого:

«Любовь к чтению у нас развивается не по дням, а по часам: во всех присутственных местах выписывают почти все лучшие журналы и газеты читаются на расхват³⁵. ...Самые закоснелые рутинеры, которые считали своего подчиненного чуть не меньше нуля, и на поклон его отвечали одним движением бровей, теперь при встрече протягивают ему руку и выслушивают, хотя с кислой гримасой, его замечания и суждения».

Однако письмо было закончено утверждением, что в петрозаводском обществе до сих пор есть

«Хлестаковы, Муходавлевы³⁶, Чичиковы в лице Фертов, Кушелей, Мышеловских, Козлов и Дубов, которые всякое проявление живой мысли считают за нарушение религии, правду – за дерзость»³⁷.

Безусловно, петрозаводскому обществу было понятно, кто скрывался под измененными фамилиями. Например, под Кушелем имелся в виду бывший чиновник особых поручений при губернаторе Кушелевский, под Мышеловским – жандармский полковник Мышецкий, под Козловым – и. д. петрозаводского полицмейстера Козловский.

14 июня состоялся личный разговор между Валуевым и Философовым, во время которого министр признал честь губернатора «незапятнанной». На следующий день Валуев письменно известил Философова, что по его предложению, получившему соизволение императора, ему было предоставлено право по собственному усмотрению просить увольнения от должности в августе текущего года³⁸. Казалось, что все уже улажено и вернувшемуся обратно 26 июня

в Петрозаводск губернатору оставалось только представить прошение, сдать дела и собирать вещи, но неожиданно грянул новый скандал, связанный с петрозаводским земским исправником В. П. Ивашиным³⁹. Коротко изложим суть конфликта по версии Ивашинова, которую он представил в своих докладных записках, поданных 22 июня и 16 июля в МВД. Исправник признавался, что он делал закупки съестных припасов и фуража для дома губернатора. Оставшись должным более 300 руб. серебром поставщику сена, который стал с него требовать эти деньги, так как считал, что Философов более не явится в губернию (обратим особое внимание на то, как быстро расходились слухи среди разных сословий в губернском городке), Ивашинов посоветовал ему обратиться за деньгами к его жене. Губернаторша сочла его поступок дерзким и пригрозила увольнением от должности по приезду мужа. Тогда Ивашинов, срочно испросив отпуск, уехал в Петербург, где и поспешил подать свои записки в МВД. Он просил перевода «куда угодно», а также распорядиться, чтобы губернатор мог уволить его от должности «не иначе как с преданием суду, перед которым я всегда смогу оправдаться и то, под каким тягостным управлением находится в настоящее время Олонецкая губерния». Ему было отвечено, что он не будет уволен, и приказано вернуться к должности. 5 июля Ивашинов представился Философову, который принял его холодно, но сдержанно, а позже через своего дворецкого потребовал представить ему счет деньгам, следующим в возврат за закупленные съестные припасы. По счету, поданному Ивашиным, ему полагалось получить с губернатора 207 руб. 55 коп. Однако дворецкий губернатора несколько раз являлся к нему, прося уменьшить счет, но исправник не соглашался. Наконец 10 июля дворецкий принес 75 рублей и потребовал именем Философова подписать заготовленную расписку, что все получено сполна. Ивашинов отказался и тогда был вызван через жандарма к Философову, который в присутствии двух «близких к нему людей» (в том числе инженера Горнич-Гарничкого) спросил исправника, как он смеет требовать с него так много денег, а также грубо разговаривать с его человеком, и, «стуча кулаком по столу, наговорил мне столько обидных слов, что только твердость воли и уважение к сану Философова удержали меня в рамках приличия». Затем губернатор объявил, что предаст его суду и уволит от должности за то, что он осмелился платить за него деньги. Вечером этого же дня Ивашинов получил из петрозаводской городской полиции повестку, которой вызывался для дачи отзыва на поданную дворецким жалобу.

Губернатор сделал предложение Губернскому правлению об увольнении исправника от должности, указав, что о причинах увольнения он напрямую объяснит в особом донесении министру. Все это вынудило Ивашинова на следующий день донести рапортом о случившемся Губернскому правлению и просить защитить его от явного произвола со стороны губернатора, а также разрешить ему не являться в полицию, так как он находит «не только не уместным, но и обидным» для себя, как исправника и дворянина, отвечать на иск «лакея» губернатора. Не зная, за что он уволен, заканчивал Ивашинов, он поспешил в Петербург просить защиты⁴⁰.

Не сидел сложа руки и губернатор, отправив 12 и 17 июля министру сразу три сообщения. В первом из них он подробно расписал причины увольнения исправника, вообще не упомянув среди них об инциденте со счетом. Во втором, имевшем форму неофициального письма, он сообщал, что после данного ему права подать прошение на увольнение он полагает себя «временным жителем Олонецкой губернии», но не может быть «равнодушным зрителем той деморализации, которая вкоренилась между некоторыми из здешних чиновников». Далее он описывал новые проступки вице-губернатора Злотницкого, который вместе с советником Губернского правления Карачевским после возвращения его – губернатора – из Петербурга стали всех уверять, что губернатор будет здесь только до 1 августа. Исправник же Ивашинов в отсутствие губернатора позволил себе говорить о нем такие низости, которые не стерпит любой порядочный человек, и поэтому пришлось назначить расследование и по этому поводу⁴¹. В заключение Философов просил назначить формальное следствие о действиях Злотницкого и Карачевского. В третьем рапорте губернатор повторно просил произвести следствие, а в прилагаемой к нему записке описал свое противостояние с членами Губернского правления, посмеявшимися не только принять рапорт Ивашинова на него, как непосредственного своего начальника, но и обсуждать предложение губернатора об увольнении исправника, прося известить их о причинах такового⁴².

Считаем неслучайным, что именно в это время, а именно 15 июля, в «Санкт-Петербургских ведомостях» была опубликована гневная отповедь на статью А. К. Лазарева. Анонимный автор заметки⁴³, обвинив его в представлении ложных сведений о целях проведения благотворительного концерта, полагал, что сделано это «с умыслом исказить один из благороднейших поступков» петрозаводского чиновничьего общества⁴⁴.

Все эти события вынудили министра внутренних дел представить царю очередной доклад о Философове и просить его дать разрешение на проведение формального следствия. 28 июля Александр II повелел командировать для разбора случившихся пререканий флигель-адъютанта своей свиты полковника И. В. Голынского. По-видимому, еще не зная о таковом, губернатор представил министру при рапорте от 31 июля очередную еще более подробную докладную записку о действиях Иващинцева и членов Губернского правления и просил уже об удалении Злотницкого и Карачевского из губернии. Но 4 августа он был извещен министром, что по его желанию в губернию командировается Голынский, которому поручено, «не производя формального следствия... путем письменных и личных сношений выяснить главнейшие обстоятельства настоящего дела»⁴⁵.

Голынский производил сбор сведений в Петрозаводске с 7 по 19 августа. Уверены, что совершенно не случайно именно в эти дни – 15 августа – в «Сыне Отечества» был опубликован ответ А. К. Лазарева на статью в «Санкт-Петербургских ведомостях». При этом автор уже не скрывал своего имени. Очевидно, что «партия» противников губернатора подняла голову в связи с приездом Голынского. Данная статья также важна для изложения истории конфликта по следующим основаниям. Пытаясь отвести от себя обвинения в распространении ложных слухов о целях благотворительного концерта, автор привел в пример помимо концерта лотерею⁴⁶. Затем задавался вопросом: «имеет ли право общество требовать отчета от учредителей в пожертвованных деньгах» на проведение концертов, спектаклей, лотерей и т. п. и утвердительно отвечал на него. Лазарев утверждал, что

«благородный поступок только тогда делается истинно благородным, когда никоим образом не навлекает на себя и тени подозрения и не возбуждает слухов, подобным тем, какие распространены в Петрозаводске по поводу лотереи»,

разыгранной полгода тому назад, но отчет о которой сделан только недавно. Лазарев сомневался в его верности и задавал по этому поводу несколько вопросов, на которые предлагал ответить анонимному автору⁴⁷.

Сравнение поставленных им в статье вопросов с теми сведениями и вопросами, которые представил в своем «объяснении» Голынскому по поводу лотереи вице-губернатор Д. А. Злотницкий и А. Е. Лазарев, приведя в доказательство приложенные копии журналов Петрозаводского губернского попечительства Николаевского приюта, наводит нас на мысль, что источником информации для А. К. Лазарева были отнюдь

не только слухи, как потом об этом он упорно заявлял во время дознания⁴⁸. А если учесть, что главным организатором и распорядителем лотереи был губернатор, то заданные в статье вопросы прежде всего бросали тень на его репутацию. Не случайно поэтому 23 августа Философов, найдя, что автор статьи: 1) «дозволил себе печатно требовать объяснения о распоряжениях мест и лиц правительственных учреждений»; 2) «печатно изложил лживо и с явным намерением извратил факты», приказал и. д. полицмейстера Козловскому потребовать от Лазарева «объяснение»⁴⁹. А в это время вернувшийся в Петербург флигель-адъютант Голынский 22 августа в своем первом кратком донесении царю и министру внутренних дел представил свое мнение о конфликте:

«...сколько мне кажется, почти все вышеозначенные лица более или менее виновны в пререканиях, но не в одинаковой степени. По некоторым данным, в поступках генерал-майора Философова нельзя находить одну лишь неблагоприятную цель, могу только предполагать, что выбор лиц, которым он доверился, был неудачен и они употребили во зло его доверие. Относительно же других лиц, сколько мне известно, некоторые из них вовсе небезукоризненны в отношении генерал-майора Философова».

В заключение Голынский сообщал, что собранные им сведения он представил в МВД, а обо всех подробностях лично сообщит министру⁵⁰. Эти сведения составили особое дело на 226 листах, представлявшее собой письменные ответы главных участников конфликта на вопрос, заданный следователем: «что послужило поводом к пререканиям с губернатором и на чем основаны слухи, могущие поколебать значение Начальника губернии», а также их записки и выписки из дел, подтверждающие правоту пишущих. Приведем только те сведения из него, которые уточняют причины и обстоятельства конфликта или более ярко демонстрируют позицию его участников. Вот как понимал, например, губернатор причины присоединения к оппозиции еще не упоминавшегося нами выше председателя Палаты гражданского и уголовного суда К. К. Поппе, а также управляющего Палатой государственных имуществ А. Е. Лазарева. Первый из них «был увлечен в партию фон Штемпеля самолюбием... а поводом к его неудовольствию послужило то, что я с большим вниманием поверял решения уголовных дел». Второй был якобы недоволен намерением губернатора, по дошедшим до него слухам о неправильных порубках, послать Кушелевского для освидетельствования лесов. Но если Поппе, отвечая на вопрос Голынского, написал, что у него отсутствуют пререкания с губернатором, то Лазарев объяснил свое неудовольствие

Философовым целым комплексом причин. Среди них он упомянул разговор, состоявшийся между Злотницким и губернатором о Кушелевском в апреле 1862 года. Он писал, что был его свидетелем и совершенно разделял мнение Злотницкого о Кушелевском, так как оно было «только верным и справедливым выражением общего о нем мнения всей Олонецкой губернии». Однако губернатор не внял их уговорам и даже заявил, что «плюет на петрозаводское общество, к которому я принадлежу»⁵¹. Лазареву тем более была непонятна резкая перемена в отношении к нему губернатора, так как до тех пор, пока он был дружен с губернатором, то «попал во всеподданнейший отчет за 1861 год в число лучших чиновников губернии» и даже был представлен им «к Станиславу 1-й степени»⁵², но «вдруг Философов явился обличителем каких-то небывалых злоупотреблений» по лесной части. Явился ревизор из Министерства государственных имуществ и получил от Философова целый «список» якобы выявленных злоупотреблений, но, как свидетельствовал позже ревизор, «ни одна буква доноса не подтвердилась». Этим доносом Философов нанес «глубокое оскорбление» не только ему – Лазареву, но и всем лесным офицерам, возвысившим в 1861 году казенный лесной доход в два раза⁵³. Л. А. фон Штемпель в своих «объяснениях» также акцентировал внимание на том, что «окруженный своими любимцами, почти заслонившими от него порядочных людей, генерал-майор Философов начал третировать общество свысока...». Далее он приводил около десятка случаев с приложением на 50 листах выписок из дел, когда Казенная палата была вынуждена отказать Философову в отпуске денег «как несогласных с узаконениями»⁵⁴. Но самое примечательное в этом деле – это итоговая записка «о неправильных действиях некоторых лиц Губернского управления», представленная 17 августа Философовым Голынскому. Именно она дает самое точное представление о том, как губернатор понимал свою должность. Думаем, что совершенно не случайно и то, что она оказалась в составе особого дела «о чиновниках», которое Философов передал в день своего отъезда из губернии в губернскую канцелярию, желая, по-видимому, предупредить своего сменщика о проблемах, с которыми тот может столкнуться при управлении губернией. Записка начиналась так:

«Олонецкая губерния, несмотря на свои необыкновенно счастливые естественные условия... находится ныне при общем прогрессивном движении нашего отечества в положении совершенной отсталости. Причину этого грустного факта должно искать» в некоторых ее особенностях, которыми она резко отличается от осталь-

ных губерний. «Здесь все население распадается собственно на два класса: к первому принадлежат низшие сословия; к другому – чиновничество», т. е. «многочисленное сословие лиц местной администрации; дворянства же и имени того купечества... почти не существует».

Далее губернатор давал весьма нелестную оценку второго класса: «Чиновничество, при отсутствии всякого умственного образования и нравственного развития имеет вообще весьма слабое понятие о том, что такое совесть, дом и честь», поэтому главное его стремление – «обеспечивать свое материальное благосостояние, не разбирая пути...». В прошлом Олонецкой губернии можно увидеть «целый ряд губернаторов, старавшихся пресечь злоупотребления и вести край прогрессивно, к сожалению, редкий из них устоял в трудной борьбе. Такая же участь готова постичь и меня». Затем губернатор замечал, как изменялось отношение к нему местного чиновничества: пока в течение первого года он знакомился с местной администрацией и действовал «более выжидательно», то «во все это время меня здесь превозносили, осыпая похвалами и выражениями искренней привязанности», но как только «я готовился приступить в наступление, тотчас же стали организовывать оппозицию». Далее губернатор давал характеристику каждому из глав оппозиции. Зачинателем ее он признавал Штемпеля, «истинною душою заговора» – Лазарева, как стоящего «в умственном отношении выше всех остальных», а орудием – Злотницкого, «на заднем плане, в колебательном положении находились Поппе и Фелькнер». Началом конфликта он считал свой разговор с Злотницким в апреле 1862 года и добавлял интересную подробность, что перед своим отъездом в столицу Злотницкий высказал провожавшим его, что добьется удаление Кушелевского, правителя канцелярии Базарова и советника Зенца – «трех людей, которых я считал честными и преданными» себе. Далее Философов описывал секретное дознание Кузьмича, его последствия и свой отъезд в Петербург для объяснений с министром внутренних дел. В его отсутствие в Петрозаводске «стали ходить слухи, будто бы я более не вернусь, но, когда в конце июня я вернулся, это смутило моих противников». Однако Злотницкий, получив некое известие из столицы, всех успокоил, сказав, что губернатор здесь останется лишь до августа. В результате «уважение к званию губернатора совсем померкло», и в качестве вопиющего примера этого губернатор приводил случай с исправником Ивашинцевым. Все эти события «поколебали» не только чиновников, но и народ, а «в их глазах достоинство власти. ...Все происходило публично при свидетелях без всякого

стеснения... из-за 7–8 человек, которые произвели в течение трех месяцев беспорядки», пытаюсь

«набросить тень на мое доброе имя и очернить во мне достоинство дворянина и губернатора. Но этого мало, **Олонецкие дела известны теперь по всей России** (выделено мною. – В. Е.), и если не последует немедленного наказания главных виновников, то это будет слишком опасный пример не только для вверенной мне губернии, но и для всех остальных. Я требую безусловного удаления Злотницкого, Штемпеля и Лазарева»⁵⁵.

Чтобы подкрепить необходимость этой меры, в рапорте от 28 августа он представил министру журнал Губернского правления от 7 августа, из которого тот должен был убедиться в аморальном поведении Злотницкого и Карачевского, продолжавших ложно настаивать на том, что не знали об обстоятельствах написания 11 июля Ивашиным рапорта⁵⁶, в котором, напомним, тот просил защиты Правления от призыва губернатора⁵⁷.

Вердикт министра внутренних дел П. А. Валуева был следующим: сочтя действия Философова и всех остальных участников оппозиции, но особенно Штемпеля и Злотницкого, «небезукоризненными» и «не считая генерал-майора Философова вполне способным к занимаемой должности», он счел своим долгом обо всем этом донести императору и испросить у него соизволения «о предоставлении генерал-майору Философову просить увольнения от должности и о причислении вице-губернатора Злотницкого к министерству», но, чтобы «**для поддержания достоинства губернаторского звания** (выделено мною. – В. Е.)» не оставить «без взыскания противодействий и пререканий со стороны председателя Казенной палаты действительного статского советника фон Штемпеля, предоставить министру финансов решить – либо перевести его в другую губернию или отчислить от должности». 11 сентября 1862 года собственноручным письмом, «во избежание всякой канцелярской нескромности», Валуев известил Философова о воле императора и присвокупил, что отчисление от должности Штемпеля и Злотницкого последует до его увольнения⁵⁸.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возникновение «партий» и их противостояние было обычным явлением в практике мест-

ного управления в имперский период. Однако рассмотренный в данной статье конфликт примечателен тем, что случился в самом начале 1860-х годов, когда правительство еще допускало в известных пределах обсуждать на страницах печати вопросы внутренней политики, в том числе и негативные явления в местном управлении. Это сделало востребованными журналы и газеты, которые и стали главным катализатором процесса замены николаевской модели государственного управления, базировавшейся на принципах закрытости, строгого чиновничества и беспрекословного исполнения приказаний вышестоящего начальства, новой, предполагавшей гласность в деятельности органов местного управления, более уважительное отношение начальства к своим подчиненным и даже учет их мнения. Чиновничество Олонецкой губернии в этом движении ничуть не отставало от прочих губерний – оно также активно выписывало и читало прессу.

Как нам представляется, генерал-майор Философов, возглавивший Олонецкую губернию в конце 1860 года, не уловил духа времени и продолжил применять старые методы управления. Олонецкое губернское чиновничество, формировавшееся в это время в значительной своей части из людей, приехавших сюда из столиц и центральных губерний для ускорения выслуги, уже настолько изменилось за несколько начальных лет правления Александра II, что не желало мириться с этим. Сформировалась оппозиция, которую возглавили главы ключевых ведомственных учреждений губернии. Конфликтующие стороны использовали в противостоянии не только традиционные методы выяснения отношений – рапорты и докладные записки вышестоящему начальству, но и новые – полемические публикации на страницах центральных газет. Правительство, признав явные просчеты в деятельности губернатора Философова, выявленные в ходе дознаний, проведенных столичными чиновниками, понимало и то, что в конфликте всегда виноваты обе стороны. Но оно не могло допустить компромата губернаторской должности и поэтому нашло соломоново решение – предоставило губернатору возможность подать в отставку и не оставило без наказания руководителей оппозиции, действуя по принципу: чтобы неповадно было.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Об обстоятельствах его отставки см. [2].

² На момент назначения ему был 41 год (НА РК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 19/287. Л. 2).

³ НА РК. Ф. 27. Оп. 2. Д. 6/84; РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. Д. 93.

⁴ Уроженец Петрозаводска, состоял в этой должности с 1846 года. В 1860 году в 50 лет стал старшим советником (НА РК. Ф. 2. Оп. 43. Д. 3/31. Л. 90–108; Оп. 68. Д. 1663. Л. 39–40).

⁵ Католик по вероисповеданию, окончил в 1849 году юридический факультет университета Св. Владимира в Киеве. Служил с 1850 года в Олонецкой губернии по вызову. 3 мая 1860 года, то есть в 36 лет, был назначен

- сенатором Дюгамелем и. д. советника Губернского правления. 14 мая утвержден в должности (НА РК. Ф. 2. Оп. 68. Д. 1663. Л. 51–62).
- ⁶ Католик, начал службу в Олонецкой губернии с 1856 года по вызову и сразу в должности советника Губернского правления. По утверждению и. д. вице-губернатора Д. А. Злотницкого, данному приехавшему в августе 1862 года в Петрозаводск для выяснения причин пререканий флигель-адъютанту Гольнскому, был причислен к МВД по настоянию Философова (НА РК. Ф. 2. Оп. 43. Д. 3/31. Л. 109–118; РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 761. Л. 15).
- ⁷ Окончил медицинский факультет университета Св. Владимира. Службу в Олонецкой губернии начал по вызову в июне 1859 года в должности оператора Врачебной управы, а с 20 мая 1861 года, то есть всего лишь в 32 года, был назначен советником Губернского правления. Опять же по замечанию Злотницкого, «будучи человеком безнравственным и почти безграмотным, неспособным быть даже столоначальником в земском суде», всего через 7 месяцев службы был представлен губернатором к ордену Станислава. Впрочем, уволен по личному прошению от этой должности уже 9 июля 1862 года. Все приведенные Злотницким факты подтверждаются по его формулярному списку и наградным книгам (НА РК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2/45а. Л. 17, 39; Ф. 2. Оп. 68. Д. 1663. Л. 41–50; РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 761. Л. 15).
- ⁸ Служил до этого в Тульской губернии. Был вызван Философовым на службу в Олонецкую губернию (НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 31/2. Л. 6, 52–56, 65).
- ⁹ По утверждению председателя Казенной палаты фон Штемпеля, он был вызван Философовым на службу из Москвы, где служил в полиции. Назначен на должность 24 марта 1861 года (РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 762. Л. 10; НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 31/2. Л. 42).
- ¹⁰ По объяснению, данному Гольнскому капитаном И. Ф. Мерчанским, занимавшим до Козловского эту должность, он был вынужден под давлением Философова 4 мая 1861 года подать прошение об увольнении. По словам же вице-губернатора Злотницкого, Козловский был сослан в Олонецкую губернию из столицы за предосудительные поступки. Позже за это же он был отправлен из Петрозаводска в Повенец на должность земского исправника. В ходе обозрения уезда уже сам Философов удалил его и с этой должности. Все эти сведения подтверждает и его формулярный список (РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 762. Л. 7, 179–184; НА РК. Ф. 2. Оп. 68. Д. 1666. Л. 17–25).
- ¹¹ В августе 1862 года Фелькнер так объяснял свое недовольство Философовым Гольнскому: некомпетентный в делах Горного управления, он вмешивался в ход освобождения мастеровых и крестьян. Среди приведенных им примеров был и такой: в марте 1861 года мастеровые Александровского завода подали прошение о нуждах своих семей. Жандармский полковник Мышецкий донес по начальству 20 июня «о якобы произошедших волнениях между мастеровыми Олонецких горных заводов, угрожавших личности Горного начальника». Из Министерства финансов срочно приехал ревизор, однако мастеровые объявили ему, что они довольны своим начальником. Но губернатор велел распечатать объявления, чтобы они подавали ревизору жалобы, и затем к этому их лично принуждал Мышецкий, чтобы подтвердить свой донос. В заключение Фелькнер написал: «...если сейчас генерал-майор чувствует ослабление своей власти, то потому, что сам не уважал прав других» (РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 761. Л. 10, 107; Д. 762. Л. 61, 195–204).
- ¹² ГАРФ. 1 экз. Оп. 37. Д. 172.
- ¹³ Был назначен на эту должность 31 мая 1861 года (приступил 11 июля), католик, вдов, имел при себе четырех несовершеннолетних детей (НА РК. Ф. 2. Оп. 68. Д. 1663. Л. 16–24; Ф. 1. Оп. 1. Д. 35/96. Л. 93).
- ¹⁴ Это же подтверждал в своих объяснениях флигель-адъютанту Гольнскому и сам Злотницкий, но при этом он упоминал о состоявшемся накануне, то есть 14 апреля, разговоре с Философовым, ставшем причиной его желания покинуть губернию. Злотницкий писал, что губернатор, вызвав его к себе через жандарма, «при входе сурово спросил его: “Как вы смеете поносить честь Кушелевского? ... Я ответил: т. к. Вы игнорировали мои предупреждения о нем, то имею полное право говорить в обществе о Кушелевском как о лице неблагонамеренном и вредном для службы”. И затем просил выбрать между ним и мною, ибо я не могу находиться с ним вместе на службе. В ответ: “Как Вам угодно, а я Кушелевским доволен и не имею никакого основания удалять его от себя”. На 3-й день я явился просить отпуска в Петербург... умолял удалить Кушелевского, как главного виновника всего зла и что это примирит Вас с обществом, и сказал, что не могу не указать Министру о причинах своей просьбы о переводе» (РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 762. Л. 96).
- ¹⁵ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 761. Л. 1.
- ¹⁶ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 761. Л. 13–16; Д. 762. Л. 100–103.
- ¹⁷ Впрочем, эти слухи были небезосновательны. Как писал в своем «объяснении» Гольнскому фон Штемпель, Кушелевскому была оформлена в Палате гражданского суда доверенность по устройству имения свояченицы губернатора, на которую в феврале 1862 года был подан иск о взыскании долга. Этот иск нами также обнаружен (РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 762. Л. 7–30; НА РК. Ф. 1. Оп. 21. Д. 2/36а).
- ¹⁸ НА РК. Ф. 1. Оп. 36. Д. 89/1. Л. 14.
- ¹⁹ Примечательно, но Кушелевский был уволен по собственному прошению от службы по болезни (НА РК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2/45а. Л. 55).
- ²⁰ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 761. Л. 17–18.
- ²¹ НА РК. Ф. 4. Оп. 39. Д. 15/3. Л. 401–412; Д. 15/30; Олонецкие губернские ведомости (ОГВ). 1860. № 5, 22.
- ²² НА РК. Ф. 1. Оп. 36. Д. 89/1. Л. 4.
- ²³ Там же. Л. 4–5.
- ²⁴ Высланы в 1861 году в Олонецкую губернию под полицейский надзор после студенческих волнений в Петербургском университете (НА РК. Ф. 1. Оп. 33. Д. 8/25; Оп. 1. Д. 34/61. Л. 9–10).
- ²⁵ НА РК. Ф. 1. Оп. 36. Д. 89/1. Л. 6–7.
- ²⁶ Губернатор уточнил, что они обедают у него каждое воскресенье.

- ²⁷ НА РК. Ф. 1. Оп. 36. Д. 89/1. Л. 8–18; РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 761. Л. 19–20, 25–30.
- ²⁸ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 761. Л. 36.
- ²⁹ НА РК. Ф. 1. Оп. 36. Д. 89/1. Л. 18; РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 761. Л. 39.
- ³⁰ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 761. Л. 44.
- ³¹ Там же. Л. 51–90.
- ³² ОГВ. 1862. № 21.
- ³³ Была в 1862 году самой крупной в империи по тиражу газетой (20 000 экз.). На втором месте с тиражом 8 000 экз. находились «С.-Петербургские ведомости» [3: 125].
- ³⁴ Как выяснилось позже, это был А. К. Лазарев – секретарь Олонецкой казенной палаты. См. подробности об этой истории в статье И. В. Савицкого [7].
- ³⁵ То же самое А. Лазарев писал и три года назад в «Письме в столицу из Петрозаводска»: «...здесь почти каждое присутственное место выписывает по несколько периодических изданий... страсть к чтению... развита здесь в высшей степени» (ОГВ. 1859. № 9).
- ³⁶ По-видимому, имелся в виду вымышленный литературный герой А. П. Муходавлев – молодой беловодский губернатор из повести В. Н. Елагина «Губернский карнавал», напечатанной в журнале «Современник» в 1859 году.
- ³⁷ Опубликованная заметка представлена в материалах формального следствия (НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 230/2416. Л. 15–16).
- ³⁸ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 761. Л. 144–143.
- ³⁹ Данный случай был приведен в качестве редкого примера незаконных действий местной администрации при Александре II на страницах известнейшего дореволюционного труда «Исторический обзор деятельности Комитета министров: к столетию Комитета министров (1802–1902). Т. 3. Ч. 2. Комитет министров в царствование Александра Второго (1855 г. февраля 19 – 1881 г. марта 1). СПб.: Канцелярия Комитета министров, 1902. С. 60–61.
- ⁴⁰ НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 35/96. Л. 159; РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 761. Л. 145–146, 155–157; Д. 762. Л. 2–8.
- ⁴¹ Губернатор приводил любопытную подробность: на пароходе, отправлявшемся в Петербург, Ивашицев «вел себя самым неприличным образом», говоря, «что едет жаловаться на меня и надеется получить место советника Губернского правления и что через несколько дней вернется с новым губернатором – генералом Бутеневым, давнишним его другом и родственником и тогда горе тем чиновникам, которые в отсутствие его не угадают своей партии и не успеют к ней присоединиться».
- ⁴² РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 762. Л. 186–220; Д. 761. Л. 152–157, 159–160, 161–164.
- ⁴³ Статья была подписана «Г-в(ъ)»(?). Мы можем только предположить, что ее автором был один из «ближних людей» губернатора инженер Горнич-Гарницкий.
- ⁴⁴ НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 230/2416. Л. 20.
- ⁴⁵ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 761. Л. 157–183, 210–211; НА РК. Ф. 1. Оп. 36. Д. 89/1. Л. 46.
- ⁴⁶ Лотерея проводилась 4–8 февраля, концерт – 15 февраля 1862 года.
- ⁴⁷ НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 230/2416. Л. 9 об.–10.
- ⁴⁸ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 762. Л. 99, 105а–108.
- ⁴⁹ НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 230/2416. Л. 1. О подробностях и последствиях этого расследования смотри в статье И. В. Савицкого [7].
- ⁵⁰ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 761. Л. 187; Д. 762. Л. 1–2.
- ⁵¹ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 762. Л. 5, 60, 159–163 об., 205. Под «петрозаводским обществом» Лазарев полагал прежде всего членов Благородного собрания, к которому принадлежали все упоминаемые в статье лица (НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 230/2416. Л. 91–92).
- ⁵² Подтверждается наградным представлением губернатора от 23 января 1862 года к министру государственных имуществ, в котором Философов писал, что «удостоверился о порядке в лесном хозяйстве и увеличении лесных доходов... не из бумаг», а в ходе обозрения и называл Лазарева «главным сотрудником» своим «по управлению Губернией» (НА РК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2/45а. Л. 5–8).
- ⁵³ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 762. Л. 157–172.
- ⁵⁴ Там же. Л. 7–30.
- ⁵⁵ Там же. Л. 208–219; НА РК. Ф. 1. Оп. 36. Д. 89/1. Л. 57–67.
- ⁵⁶ Как показывали губернатору канцелярские чиновники Правления, жалоба Ивашицевым писалась в 3-м Отделении Губернского правления, которым заведовал Карачевский. Он же ее затем и правил.
- ⁵⁷ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 761. Л. 194–209; НА РК. Ф. 1. Оп. 36. Д. 89/1. Л. 47–50; Ф. 9. Оп. 1. Д. 230/2416. Л. 1.
- ⁵⁸ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 761. Л. 210–211. 22 февраля 1863 года покидает губернию и А. Е. Лазарев. 16 апреля на его место назначен новый управляющий (ОГВ. 1863. № 9, 17).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бикташева А. Н. Антропология власти: казанские губернаторы первой половины XIX века. М.: Новый хронограф, 2012. 496 с.
2. Ефимова В. В. Из истории взаимоотношений олонечких губернаторов и палаты государственных имуществ (по материалам «лесного дела» 1857–1864 гг.) // Новое в юридической науке и образовании: Сб. науч. ст. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. С. 7–30.
3. Жирков Г. В. История цензуры в России XIX–XX вв.: Учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2001. 368 с.
4. Матханова Н. П. Диалог власти и общества: опыт генерал-губернаторов Восточной Сибири и Приамурья второй половины XIX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2020. Т. 33. С. 23–30.

5. Патрушева Н. Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во 2-й пол. XIX – нач. XX вв. СПб.: Северная звезда, 2013. 620 с.
6. Почекаев Р. Ю. Губернаторы и ханы: личностный фактор правительственной политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – нач. XX в. М.: Изд. дом ВШЭ, 2017. 384 с.
7. Савицкий И. В. Чиновник – это звучит гордо? К коммуникативным аспектам истории чиновничества середины XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 8. В печати.
8. Семенова Н. Л. Практика отрешения от должности гражданских губернаторов Оренбургской губернии в конце XVIII – 1-й четверти XIX в. // Региональная история: методология, источники, историография: Сб. науч. тр. Стерлитамак: Изд-во БашГУ, 2016. С. 309–313.

Поступила в редакцию 08.06.2021; принята к публикации 03.09.2021

Original article

Viktoria V. Efimova, Dr. Sc. (History), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
efimova1870@rambler.ru

REASONS AND CONSEQUENCES OF THE CONFLICT BETWEEN GOVERNOR ALEXANDER FILOSOFOV AND THE GOVERNORATE OFFICIALS

Abstract. The article uses the historical and anthropological approach to analyze the influence of the “thaw” during the era of Alexander II on the mentality of the then officialdom, manifested in the forms and methods, as well as the course and outcome of the managerial conflict that broke out among the Olonets Province officials. This is the first-of-its kind research on the Olonets Province, which was considered an extremely low-grade location for service. The author found out that the main cause of the conflict was that the heads of the province departmental institutions had rejected the Governor’s outdated management style. He was unable to assess the consciousness of local officialdom that had changed during the first five years of Alexander II’s reign under the influence of allowed publicity, which was most clearly manifested in the periodical press publications of literary works and articles criticizing the shortcomings and abuses in the work of state institutions and officials. A significant role in this process was played by the specifics of the bureaucracy formation in the Olonets Province, where officials from the capitals and central provinces of the empire came to speed up their careers. In addition to the traditional methods of struggle, such as mutual incriminating reports and memos to higher authorities, both sides used the central press. The Governor’s confrontation with the heads of various departments went so far that special officials were sent from St. Petersburg to find out its causes and the degree of guilt of its participants, and the officials’ opinions were communicated to the Emperor. As a result, the governor was declared incapable of holding his position, but in order to prevent discrediting the Governor’s rank, he was allowed to ask the Emperor for dismissal, and the leaders of the “anti-governor” party were sent away from the province under plausible excuses.

Key words: Olonets Province, conflict, publicity, Governor Alexander Filosofov, province officialdom

For citation: Efimova, V. V. Reasons and consequences of the conflict between Governor Alexander Filosofov and the governorate officials. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(8):87–97. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.697

REFERENCES

1. Biktasheva, A. N. Anthropology of power: Kazan governors of the first half of the XIX century. Moscow, 2012. 496 p. (In Russ.)
2. Efimova, V. V. The history of the relationships between the Olonets governors and the Chamber of State Property (based on the materials of the “forest case” of 1857–1864). *New developments in legal science and education: Collection of articles*. Petrozavodsk, 2007. P. 7–30. (In Russ.)
3. Zhirkov, G. V. The history of censorship in Russia during the XIX–XX centuries: Textbook. Moscow, 2001. 368 p. (In Russ.)
4. Matkhanova, N. P. Dialogue between authority and society: experience of eastern Siberian and Priamur governors-general in the second half 19th century. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series “History”*. 2020;33:23–30. (In Russ.)
5. Patrusheva, N. G. The censorship department in the state system of the Russian Empire in the second half of the XIX and the early XX centuries. St. Petersburg, 2013. 620 p. (In Russ.)
6. Pochekaev, R. Yu. Governors and khans: the personal factor of the governmental policy of the Russian Empire in Central Asia: from the XVIII to the early XX centuries. Moscow, 2017. 384 p. (In Russ.)
7. Savitsky, I. V. Does the word “official” have a proud ring? Communicative aspects of Russian officialdom history in the mid-nineteenth century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(8). In print. (In Russ.)
8. Semyonova, N. L. The practice of removal from office of civil governor of the Orenburg Province at the end of the 18th – the first quarter of the 19th century. *Regional history: methodology, sources, historiography. Collection of articles*. Sterlitamak, 2016. P. 309–313. (In Russ.)

Received: 8 June, 2021; accepted: 3 September, 2021